

История, археология, этнография

УДК 897 (=511.131(045))

М. Г. Атаманов

О ПРОЦЕССАХ ИСЛАМИЗАЦИИ И ТЮРКИЗАЦИИ УДМУРТОВ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В данной статье рассматриваются вопросы принятия ислама удмуртами-язычниками в XIX–XX вв. и их ассимиляции в среде казанских татар, отчасти – башкир. В VII–VIII вв. н.э. в Волго-Камском регионе, где издревле жили древнеудмуртские племена, появились булгары и вступили в активные контакты с местным аборигенным населением, которых они, вслед за хазарами, прозвали «ар» (в чув. *ар*, тат. *ир* – «муж», «мужчина»), в свою очередь ары-удмурты называли их «бигер». Об активных контактах вновь прибывших булгар с арами-удмуртами говорят языковые, археологические, антропологические, фольклорные данные. В конце VIII в., особенно же – в IX в., почти одновременно с продвижениями на Волгу ранних булгар, большая группа северных удмуртов, по неизвестным нам причинам, ушла в Нижнее Прикамье, на Волгу, где создавалось государство Волжская Булгария. В условиях складывающегося государства наблюдается смешение культурных традиций обеих групп, их нивелировка и создание новой культуры, положившей основу культуры Волжской Булгарии. В некоторых районах чепецко-приуральское население по численности не уступало болгарскому. Процессы исламизации и тюркизации удмуртов шли с середины XIX в. и вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, древний этнос, воршудно-родовые группы, древнеудмуртские племена, исламизация, тюркизация.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-476-483

Удмурты – древнейший этнос в Волго-Уральском регионе. Истоки формирования народа восходят к ананьинской (VIII–III вв. до н.э.) и более древним эпохам. В бассейнах рек Вятки, среднего и нижнего течения Белой и Камы, вплоть до среднего течения Волги с ее притоками Ветлуга, Илеть, Казанка, Свияга, шло формирование этнической основы удмуртов с двумя племенными объединениями: Ватка, Калмез и 70 воршудно-родовыми группами внутри них.

Самые ранние и продолжительные контакты праудмурты имели с южными кочевыми племенами индоиранского происхождения, продолжавшиеся вплоть до начала великого переселения народов (IV–VIII вв. н.э.), когда ираноязычные племена уступили свое место многочисленным тюркоязычным, угорским кочевым этническим группам, прибывшим из-за Урала, из Центральной Азии и Южной Сибири.

В VIII в. н. э. удмуртские воршудно-родовые группы были оттеснены с бассейна р. Белой, отчасти – ассимилированы вновь прибывшими древнебашкирскими родоплеменными группами. Некоторые из них сохранили свои древнеудмуртские названия, например: *Калмаш* (удм. *Калмез*), *Гайна*, *Имес* (удм. *Имъес*), *Мышыга* (удм. *Можга*), возможно, и др. [Атаманов 2005, 132]. Часто фиксируемые в Башкирии этноним и топоним *Калмаш*, как пишет Р. Г. Кузеев, легко идентифицируется с удмуртским *Калмез* [Кузеев 1973, 14].

В VII–VIII вв. н.э. в Волго-Камском регионе, где издревле жили древнеудмуртские племена, появились булгары и вступили в активные контакты с местным аборигенным населением, которых они, вслед за хазарами, прозвали «ар» (в чув. *ар*, тат. *ир* – «муж», «мужчина»), в свою очередь ары-удмурты называли их «бигер». Об активных контактах вновь прибывших булгар с арами-удмуртами говорят языковые, археологические, антропологические, фольклорные данные. Профессор И. В. Тараканов в удмуртском языке выявил около 200 болгарско-чувашских заимствований [Тараканов 1971, 47; 1982, 21].

В конце VIII в., и особенно в IX в., почти одновременно с продвижениями на Волгу ранних булгар, большая группа северных удмуртов, создателей Поломской археологической культуры по неизвестным нам причинам, ушла в Нижнее Прикамье, на Волгу, где создавалось государство Волжская Булгария. В условиях складывающегося государства наблюдается смешение культурных традиций обеих групп, их нивелировка и создание новой культуры, положившей основу культуры Волжской Булгарии. В некоторых районах чепецко-приуральское население по численности не уступало болгарско-

му. Е. П. Казаков считает, что обе группы племен: донско-приазовская и приуральско-прикамская, – участвовавшие как основные компоненты в формировании населения в Волжской Булгарии, появляются в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье почти одновременно, но не позже рубежа VII–IX вв. [Казаков 1971, 15; 1993, 38].

Процесс ассимиляции этих пластов хорошо прослежен антропологами. Близость краниологических серий из Биляра, Ташкирмень, «Окрестности Казани» к танкеевской группы говорит о том, что местное поволжско-приуральское население играло значительную роль в сложении антропологического состава Волжской Булгарии домонгольского и более позднего времени [Ефимова 1991, 19; 44–45].

По данным археологов, керамический материал Танкеевского, Тетюшского и некоторых других памятников Волжской Булгарии очень близок к полоумско-чепецкой керамике Северной Удмуртии, они практически тождественны [Казаков 1971, 129; Хлебникова 1984, 70–3; Голдина 1999, 294].

В погребальных комплексах Танкеевского могильника обнаруживается явно удмуртский элемент, так называемая «вторая группа погребений», вплоть до мельчайшей деталей увязываемая с древнеудмуртским, древнепермским населением Прикамья. Особенно близкие аналогии наблюдаются в древнеудмуртских могильниках бассейна р. Чепцы Полоумский и Мыдлань=шай VIII–IX вв., как пишет болгаровед Г. В. Юсупов: «На трех болгарских эпитафиях зафиксирован лякаб «ар». С этим, возможно, нужно связывать гидроним *Аря* (на Правобережье) и топоним *Алтар*, состоящий из ‘алт’ большой и этническое *ар*, т. е. Большой *Ар*. Село Арбаш в ТАССР происходит от р. Ар–Арбаш, значит: ‘исток р. Ар’. Такое же, по-видимому, происхождение топонима *Арча*, где суффикс *-ча* уменьшительной формы (р. Зай, его приток – *Зайча*). В Башкирии есть топонимы *Арово*, *Ариево*» [Юсупов 1071, 225].

Метисация – смешение местного финно-угорского, в данном случае, древнеудмуртского населения и пришлого – тюркско-булгарского, а позже – тюркско-кипчакского этнических групп привели к образованию антропологического типа волго-камских булгар, позже – казанских татар, северо-западной группы башкир, отчасти – чувашей. В антропологическом отношении тюркские народы Волго-Камья сильно отличаются от азиатских сородичей – алтайцев, тувинцев, якутов, хакасов, киргизов, казахов, узбеков. Как пишет антрополог М. С. Акимова, при решении вопросов этногенеза башкир, «среди соседних народов башкиры занимают промежуточное положение между народами Волго-Камья с одной стороны и казахами, киргизами – с другой стороны, сближаясь, однако, больше с финскими народами Волго-Камья и казанскими татарами. Особенно это относится к башкирам северо-западных районов, которые по одним признакам обнаруживают сходства с татарами, по другим – с удмуртами. По степени развития волосяного покрова на лице, профили носа и ширине лица башкиры близки к удмуртам» [Акимова 1971, 39].

В данной статье я коснусь лишь вопроса принятия ислама удмуртами-язычниками в XIX–XX вв. и их ассимиляции в среде казанских татар, отчасти – башкир.

Ислам – одна из мировых религий авраамического толка, имеющий своих последователей во всех континентах мира. К волжским булгарам он проник еще в X веке. С усилением влияния новой религии в среде болгарской знати, городского, позже – и сельского населения, в ислам переходят и местные народы, в том числе удмурты. Об этом свидетельствуют археологические – антропологические материалы того же знаменитого Танкеевского могильника, других некрополей с мусульманским обрядом захоронения. Процесс принятия ислама шел «в ногу» с ассимиляцией удмуртов-аров в среде булгар, позднее – казанских татар и башкир.

При отсутствии болгарских и татарских письменных памятников по данному щепетильному вопросу, нам помогают топонимы, которые называют «языком Земли». Во всем Нижнекамско-Волго-Вятском регионе, особенно, в Заказанье, на земле бывшего Арского (Удмуртского) княжества, масса татарских деревень носят удмуртские названия: *Наласа* < удм. *нюлэсо* «лесной»; *Бирезе* < удм. *беризэ*, «липовый», «местность, богатая липой», *Сурда* < удм. *сурд* «березовый лес», *Муй* < удм. *мый* «бобр», «бобровый»; *Корса* < удм. *Куарса* «воршудно-родовое имя удмуртов» и много др. [Атаманов 2001, 196–197; 2017, 386, 388; Саттаров 1980, 32–49].

Жители этих бывших удмуртских деревень с принятием ислама *отатарились*, но названия их поселений сохранились. И еще остались рыжеволосые, светловолосые татары, предки которых были удмуртами. По данным антрополога Т. А. Трофимовой, 24,5% казанских татар, особенно Арско-Елабужского кустов, принадлежат к сублапоноидному типу, характерному для удмуртов, отчасти – марийцев [Трофимова 1949, 231–235, 244].

Как писал И. Н. Воробьев, в формировании казанских татар принимали участие также и соседние народы, «которые, приняв ислам, постепенно поглощались татарами, в свою очередь, внося ряд черт и не только физических, в самих татар». Эти процессы, по-видимому, шли с очень давних вре-

мен и продолжались, можно сказать, почти до настоящего времени, проявляясь особенно ярко до того момента, пока русское правительство не положило этому предел, сделав соседей татар христианами [Воробьев 1930, 26].

Антропологический состав населения северо-западной части Татарии – Арского, Высокогорского, Атнинского, Балтасинского и других районов Заказанья, как пишет Х. Г. Гимади, очень пестр и сильно отличается от районов средней полосы Татарстана. Здесь преобладают типы, характерные для населения Удмуртской и Марийской АССР. «Нет сомнения, что на формирование физического облика татар северных районов Татреспублики заметное влияние оказали угро-финны, нынешние соседи казанских татар – удмурты и мари» [Гимади 1948, 207–223]. Он считал, что болгарская культура выросла на базе древних культур Прикамья.

Православие и ислам издавна соперничали в Российской империи, особенно в многонациональном Волго-Уральском регионе, в губерниях Казанской, Уфимской, Пермской, Самарской, Вятской и др. «Так, в 1832 г. Малмыжский уездной суд сообщил Епархиальному начальству, что вотяки-язычники д. Маскары Малмыжского уезда в количестве 30 чел. приняли магометанство» [Луппов 1911, 486].

Усиленная пропаганда проповедников ислама из среды мусульманского духовенства, которые, по словам Я. Коблова, С. Багина и других миссионеров Русской православной церкви, использовали все возможные средства: «и ласку, и угрозу, и материальную помощь, и проповедь, и причинение ущерба», – приводили к тому, что все больше удмуртов начало склоняться в сторону магометанства, принятие которого означало «безусловное отречение от своей национальности, языка и обычаев», т. е. «уйти в татары». Так, в конце XIX в. полностью отатарились удмурты деревень Шемордан, Конисар, Яныль Мамадышского уезда Казанской губернии [Коблов 1911, 90, Багин 1910, 119–120]. Как заметил Н. А. Бобровников, «Коньсарских вотяков ни по языку, ни по внешнему виду не отличишь от магометан» [Бобровников 1899, 50].

В связи с этим вспоминается такой интересный случай из времени своей экспедиции к некрещеным удмуртам Куединского района Пермского края в 1971 г.: навстречу нам шли старые-престарые бабушки, одна из них одета в удмуртское платье, другая – в татарскую одежду, и между собой они говорили то на татарском, то на удмуртском (живут они в удмуртской деревне). Побеседовали с ними, взяли у них интервью, и выяснилось: они двоюродные сестры. У одной из них отец перешел в ислам, и семья стала татарской, а у другой остался в язычестве, – семья сохранила удмуртский язык, соблюдает удмуртские обычаи, совершает удмуртские обряды. Бабушка-удмуртка и бабушка-татарка идут под ручку, и видно, что они друг друга очень любят. В данном случае, к радости нашей, религия не разделила эти семейства на враждующие группы. Такое тоже приходилось встречать во время экспедиций.

В годы ведения казанско-русских войн в сер. XVI в., окончившихся падением Казанского ханства, проповедь ислама в среде народов Волго-Камья на какое-то время угасла. В это время началась христианизация татар, в результате которой из них образовалась особая этноконфессиональная группа казанских татар – кряшены. В христианскую веру привели в это же время малую часть удмуртов. Так, судя по переписи 1710 г., около 30 % удмуртов балтасинско-кукморско-мамадышского куста причислены к «новокрещенам». Но в течение полутора веков часть удмуртов-новокрещен вошла в состав кряшен с татарским языком общения: д. Дурга, Ципья Балтасинского р-на, д. Поршур, Село-Чура Кукморского р-на и др. Немалое количество татар-кряшен современного Мамадышского, Сабинского, Пестречинского, Рыбно-Слободского районов происходят из удмуртов.

Как писал Н. А. Спасский, крещенные татары Казанского, Лаишевского, Мамадышского уездов до принятия христианства были в значительной степени отатаренными удмуртами, что между прочим, видно из их костюма: они до сих пор носят белые одежды, по форме и по украшениям, напоминающие удмуртские или волжско-финские... К сожалению, жизнь среди татар заставила отатариться чуть ли не половину казанских удмуртов-язычников (10 тыс. человек). В Казанской губернии от многих удмуртских селений остались лишь названия Ари, Арск, Арино. Арбан и т. п... «Был народ ари, Арская волость, Арский городок, с которыми имели дело воеводы царя Ивана Грозного. Но магометанство поглотило вотяков, переименовав их в татары» [Спасский 1913].

С созданием в 1740 г. в Казани Новокрещенской конторы, ведающей делами крещения нерусских народов края, началось массовое крещение удмуртов и других народов Волго-Уральского региона. К концу XVIII в. почти 90% удмуртов были крещены. Но этот процесс шел очень сложно: много было противников принятия новой веры. Многие из них бежали на Урал, в среду башкир, исповедующих ислам; часть ушла на оренбургско-самарскую засечную линию. Какая-то часть удмуртов вошла в состав тептярей, башкир. Как здесь говорили, «*башкыртэ пот йэз*» – «вышел в башкиры».

Другая часть язычников сохранила свои древнеудмуртские верования до наших дней. Больше всего удмуртских язычников зафиксировано на территории Башкортостана – они живут в 7 северо-западных районах Республики, на юге Пермского края, в 5 районах Татарстана.

Численность превосходства башкир, определенная зависимость, особенно в землепользовании, пришлых групп от башкирских общинников обусловили направленность этнического взаимодействия: татары, куда входили и удмурты, испытывают сильное языковое и культурное влияние коренного населения [Кузеев 1968, 357]. В различных говорах Закамья зафиксировано около 1600 тюркских заимствований [Тараканов 1982, 158].

Длительное проживание в среде тюрков-мусульман, не ограничилось лишь языковыми заимствованиями. Как неоднократно докладывали епархиальные миссионеры в Священный Синод, язычники из народа Волго-Камья в те времена были более склонны к принятию ислама, нежели христианства. Основные причины, на наш взгляд, крылись в том, что, во-первых, у всех язычников того времени вторым языком общения был татарский и, во-вторых, умелая пропаганда мусульманских миссионеров, владевших языком коренных народов, имевших особый подход через знание их традиций, обрядов, психологии и общения. Чаще всего в ислам переходила зажиточная часть крестьянства, занимающаяся торговыми делами и имеющих определенный капитал от этого занятия. Язычникам в царской России путь в торговлю, учебные заведения был закрыт. Став мусульманами, они полностью отрекались от своих национальных традиций, переходили на татарский или башкирский язык общения даже в кругу своей семьи.

Удмуртский этнолог Р. Р. Садиков, выходец из среды закамских удмуртов, отмечает, что в первую очередь ассимиляции подверглись удмурты, живущие совместно с татарами или башкирами. Жители «арского (удмуртского) конца» ввиду более тесных и открытых контактов с татарами или башкирами через некоторое время подверглись полной ассимиляции. Они принимали ислам, и у них полностью менялось этническое самосознание. Ассимиляция происходила также среди удмуртов, живущих в чисто удмуртских деревнях. В нач. XIX в. отатарились жители д. Кляшево (Гляшево) на р. Дёме.

Финский исследователь Ю. Вихман в конце XIX в. после поездки к закамским удмуртам отметил, что множество удмуртских деревень полностью отатарились и впало в магометанство. Р. Р. Садиков приводит еще один известный нам пример: в конце XIX – нач. XX вв. отатарилась старинная удмуртская д. Гарейбашево; последний удмурт-мусульманин, владеющий родным удмуртским языком, умер в 1995 г.; в деревне остались два заброшенных удмуртских языческих кладбища – *Ар зираты* (вероятно, в данном селении проживали два воршудно-родовые группы, которые имели отдельные кладбища – М. А.). То же самое случилось с д. Вотские Курзи Бураевского р-она, д. Янаул и Тупралы Аскинского р-на. В настоящее время на татарский язык общения переходят удмурты д. Асаветамак Бураевского р-на [Садиков 2001, 29–30].

Результаты налицо: удмурты-язычники принимают «татарскую веру» – «*бигере пото*» и отатариваются. Массовые отпадения в мусульманскую веру происходили в 1830, 1840, 1865–1866, 1905–1908 годах [Багин 1910, 120, 125]. Такие примеры больше всего и чаще всего встречаются в среде периферийно-южных групп удмуртов и бесермян.

Процесс тюркизации удмуртов Закамья начался давно. Р. К. Кузеев отмечает, что родоплеменные группы, носящие названия народ Поволжья и Приуралья, составляют пятую часть микроэтнонимии башкир северо-западной части республики. Так, например, в состав племени *Гайна* вошли четыре родовых подразделения *ар* (ар – тюркское название удмуртов). По преданиям самих гайнинцев, подразделения (*кушык гэрэ, нукиш, аримес, максей*) составляют башкиризированные потомки удмуртов, которые стали «башкирами», приобретая право участия во владении вотчинными землями. Аналогично объясняют происхождение *шэрдэк, юда, кэлтэу* таныпской племенной группы с той лишь разницей, что здесь башкирами становятся не только удмурты, но и марийцы [Кузеев 1974, 332–333].

За пределами современного расселения закамских удмуртов, выявляются этнонимы *ар* 'удмурт': река *Арйылга*: ар + тюрк. *йылга* 'река' – приток р. *Усень*. (Белебеевский р-он); гора *Артау*: ар + *тау* 'гора' (д. Новоабдуллино, Ишимбаевский р-он); д. Арбашево: ар + *баш* 'исток', 'начало', 'глава' (Аскинский р-он); д. Арово (Чишминский р-он); д. Ариево (Дуванский р-он); д. Аринский (Архангельский р-он); д. Арларево (Ишимбаевский р-он) и др. Это только то, что лежит на поверхности; в микротопонимии, надо полагать, подобных названий значительно больше. Такая же картина наблюдается в топонимии Татарстана, Пермского края, юго-западных районов Свердловской обл., южной части Кировской обл. [Атаманов 2017, 55–64].

По данным Н. А. Бобровникова, только в течение XIX в. из 25 тыс. удмуртов, проживающих в Казанской губернии, 15 тыс. перешли в ислам, как здесь говорили, «вышли в татары» – «*бигере потйзы*» [Бобровников 1899, 47].

Ценные сведения о переходе в ислам удмуртов-язычников мы можем почерпнуть из работы Н. В. Никольского «Статистические сведения о вотяках за 1911 год с указанием литературы о них и изданий на вотском языке» (Казань, 1912).

Ниже привожу список удмуртских населенных пунктов по губерниям, уездам с указанием количества людей мужского и женского пола, принявших ислам.

Казанская губерния, Мамадышский уезд, деревня Важагур: 35 мужчин + 35 женщин; д. П. Сутер: 52 муж. + 63 жен.; д. Нижняя Русь: 143 муж. + 153 жен.

Всего по Мамадышскому уезду в ислам перешло 962 удмурта.

Уфимская губерния, Бирский уезд, д. Кизанбаш: 90 муж. + 70 жен.; д. Бишнеево: 15 муж. + 20 жен.; д. Верхне-Балтачево: 12 муж. + 21 жен.; Казыльярово: 12 муж. + 70 жен.; Калмиярово: 83 муж. + 98 жен.; д. Ново-Асафова (Четырманово): 202 муж. + 221 жен.; д. Ново-Калмияровский посад: 7 муж. + 12 жен.; д. Юдинский посад: 7 муж. + 12 жен.

Всего по Бирскому уезду перешло в ислам 952 удмурта.

Уфимская губерния, Уфимский уезд, д. Канлы: 3 муж.

Всего по Уфимскому уезду в ислам перешли 3 мужчин.

Думаю, что сводная таблица, составленная Н. В. Никольским, требует некоторых уточнений: так, по Осинскому уезду Пермской губ. не указаны населенные пункты, жители которых перешли в ислам. Во время этнографической экспедиции УдГУ в 1971 г. мы узнали, что в конце XIX в. немалое число удмуртов-язычников, особенно зажиточная часть, по агитации муллы перешли в ислам. Для них в с. Большой Гондырь была построена мечеть и отведено место под мусульманское кладбище, которое действует и поныне. В этой же работе на стр. 4–7 указано, что в Осинском уезде 943 удмурта перешли в ислам [Никольский 1912, с. 4–7].

По сводной таблице, помещенной на стр. 4–7, мы узнаем общее количество удмуртов-язычников, принявших ислам в начале XX века по губ. и уездам:

Вятская губерния, Глазовский уезд, «отпали в мухамеданство» (термин Н. В. Никольского) 99 чел.; скорее всего, это были бесермяне. У нас нет никаких сведений о переходе в ислам северных удмуртов-ватка, а среди бесермян он шел весьма интенсивно до Октябрьской революции; до сих пор есть случаи принятия ими ислама через брачные союзы с татарами.

Ислам переняли 14 удмуртов-язычников из Уржумского уезда (совр. Мари-Турекский р-н Республики Марий Эл).

Известны случаи отатаривания удмуртов юго-западной части Малмыжского уезда; но эти данные относятся к нач. и сер. XIX века. Всего же по Вятской губернии известны 113 случаев принятия ислама удмуртами.

Казанская губерния, Мамадышский уезд: как мы уже указали, 962 удмурта, в большинстве случаев из среды язычников совр. Кукморского р-на, приняли ислам и отатарились.

Пермская губерния, Оханский уезд: 6 удмуртов приняли ислам (удмурты Оханского уезда нам не известны). По дореволюционным спискам населенных мест в Оханском уезде зафиксированы этнопонимы: д. Вотинин, д. Вотинина, д. Вотяки (Вотинова). Из их среды вышло 6 последователей ислама.

В Осинском уезде, где было 10 удмуртских деревень, 943 удмурта перешли в ислам.

В Пермском уезде Пермской губернии в 2 населенных пунктах жили удмурты; в начале XIX века 567 человек приняли ислам и жители обоих селений полностью отатарились. Странно то, что об этих удмуртах никто не писал, мы даже не знаем, кто они, откуда, когда и в какие времена они появились там – рядом с Пермью. Есть только косвенные свидетельства: согласно преданиям татар деревень Танып-Бардынского, Епанаево Октябрьского, Усть-Турка Кунгурского районов Пермского края в их селениях живут потомки отатарившихся удмуртов. В д. Танып одна из улиц называется *Ар жыены* («улица удмуртского рода»).

Итак, 1516 удмуртов Пермской губ. в нач. XIX в. приняли ислам и вошли в состав татарского народа. Для того времени это самое большое количество удмуртов, принявших ислам, – в сравнении с другими губерниями России.

Уфимская губерния, Уфимский уезд, д. Канлы: из 688 жителей деревни 3 человека приняли ислам.

В Бирском уезде, где была сосредоточена самая большая группа удмуртов, приверженцев дохристианских верований, 899 чел. приняли ислам, стали приверженцами мусульманской веры и вошли в состав татарского народа, как здесь говрят, *башкыртэ потйзы* – букв. «вышли в башкиры» (ближайшие родственные группы осинские и бирские удмурты до сих пор и татар называют *башкырт*, нет у них этнотермина *бигер* «татарин»).

Думается, список, составленный Н. В. Никольским по Бирскому уезду, требует уточнений: у него сказано о 10 селениях удмуртов, в то время, как здесь существовало около 50 населенных пунктов, и количество принявших ислам было больше. Так, одна из крупных деревень современного Татышлинского р-на Гарейбашево в начале XX в. полностью отатарилась через принятие ислама. Были случаи отатаривания в Аскинском, Илишевском, возможно, и в других районах Башкирии. Этот процесс пока слабо изучен.

В списке содержится интересный факт: в Томской губ., в Кузнецком уезде 8 чел. «отпали в мухамеданство». Какая эта лингвистическая группа была, откуда они родом – нам не известно. В удмуртских деревнях Томской обл. я побывал дважды, но такую группу там не встречал. Скорее всего, все 3 селения Кузнецкого уезда ныне входят в состав Кемеровской области (по данным переписи 2002 г. в Кемеровской области проживает 2665 удмуртов).

Относительно исламизации и тюркизации удмуртов-язычников Казанской губернии проф. В. К. Кельмаков, приверженец языческих традиций удмуртов, родственники которого по материнской линии перешли в ислам, пишет: «Справедливости ради следует заметить, что христианская религия сыграла в данном случае положительную роль: она в определенной степени задерживала процесс отатаривания удмуртов в Вятском правобережье. Так, христианская часть удмуртского населения деревень Важагур, Починок-Сутер, Нижняя Русь и др. Кукморского р-на не приняла ислам, сохранив тем самым свою национальность до наших дней. Но процесс «ухода в татары» окончательно прекратился лишь с победой Великой Октябрьской революции и установлением Советской власти в нашей стране» [Кельмаков 1982, 141].

Да, истинно так. С установлением советской, атеистической системы в СССР, началась жесточайшая борьба с религией, не только с христианской, но и мусульманской, буддийской, протестантской, даже с языческой. О массовых отпадениях удмуртов в ислам в данном случае говорить уже не приходится. Маленькая часть удмуртов начала переходить в тайные протестантские секты, например, удмурты д. Лельвиж того же Кукморского р-на Татарии, Верхний Кетег, Нижний Кетег Малмыжского р-на Кировской обл., в рабочих поселках Вавожского р-на Удмуртии.

По своей работе я могу сделать следующие краткие выводы:

Процесс исламизации удмуртов шел начиная с болгарских времен до начала Октябрьской революции в 1917 г. За этот длительный период десятки тысяч удмуртов-язычников Волго-Уральского региона, приняв ислам, отатаривались – вошли в состав татар и башкир.

Для удмуртского этнического мира этот процесс, конечно же, имел отрицательное значение: удмурты, принявшие ислам, теряли все свои национальные черты – язык, культуру, менталитет (кроме антропологического типа). Муллы не разрешали принявшим ислам носить национальную одежду, говорить на родном языке, давать новорожденным удмуртские имена, петь национальные песни и т.д. С принятием ислама во всех документах их начинали писать татарами.

Таким сложным был процесс исламизации удмуртов и перехода их в группу татар – *бигере потыны* и башкир – *башкыртэ потыны*.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова М. С. Этногенез башкир по данным антропологии // Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971. С. 38–43.
- Атаманов М. Г. Арское княжество в письменных источниках и народных преданиях // По следам удмуртских воршудов. Ижевск: Удмуртия, 2001. С. 192–196.
- Атаманов М. Г. От Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск: Удмуртия, 2005. 216 с.
- Атаманов М. Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск, Удмуртия, 2017. 592 с.
- Багин С. Об отпадении в магометанство инородцев Казанской епархии и о причинах этого печального явления // Православный собеседник. Издание Казанской Духовной Академии. Казань, 1910, январь–февраль. С. 121–125.
- Бобровников Н. А. Иностранческое население Казанской губернии. Татары, вотяки, мордва. Вып. 1. Казань, 1899.
- Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). Казань, 1930.
- Гимади Х. Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948. С. 185–225.
- Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 1999. 464 с.
- Ефимова С. Х. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Издательство МГУ, 1991. 95 с.: ил.

- Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Археология и этнография Татарии. Казань, 1971. С. 94–155.
- Кельмаков В. К. К истории удмуртов Правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов (сборник статей). Ижевск, 1982. С. 128–144.
- Кузеев Р. Г. Краткий очерк этнической истории башкирского народа // Археология и этнография башкирского народа. Т. V. Уфа. 1973. С. 32–60.
- Кузеев Р. Г. Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир // Ономастика Поволжья Т. 3. Уфа, 1973. С. 9–21.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. 561 с.
- Луштов П. Н. Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911.
- Никольский Н. В. Статистические сведения о вотяках за 1911 год с указателем литературы о них и изданий на вятском языке. Казань, 1912.
- Садиков Р. Р. Поселения и жилища закамских удмуртов. Современный и духовный аспекты. Уфа, 2001. 181 с.
- Садиков Р. Р. Традиционные и религиозные верования и обрядность закамских удмуртов. Уфа. 2008. 232 с.
- Саттаров Г. Ф. Этнонимы Татарии // Советская тюркология. № 1. Баку. 1980. С. 32–49.
- Тараканов И. В. Удмурт лексика очеркъёс. Ижевск, 1971. 96 с.
- Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1982. 186 с.
- Тараканов И. В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 145–173.
- Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. 264 с.
- Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Булгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. с.
- Юсуфов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 27–31.

Поступила в редакцию 19.05.2020

Атаманов Михаил Гаврилович,
доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: rvkir@mail.ru

M. G. Atamanov

ON THE PROCESS OF ISLAMIZATION AND TURKIFICATION OF THE UDMURTS IN THE MIDDLE OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-476-483

This article discusses conversion of pagan Udmurts to Islam in the XIX–XX centuries and their assimilation among the Kazan Tatars and partly among the Bashkirs. In the VII–VIII centuries AD, the Bulgars came to the Volga-Kama region, where the Udmurt tribes lived since ancient times, and they began active contacts with the local aboriginal population, whom they called "ar" (Chuv. ar, tat. Ir – “husband”, “man”) following the Khazars, and the Ar-Udmurts called them "biger". Linguistic, archaeological, anthropological, folklore data indicate active contacts of the Bulgars with the Ar-Udmurts. At the end of the VIII century, especially in the IX century, almost at the same time, when the Bulgars moved to the Volga, a large group of northern Udmurts, for reasons unknown to us, went to the Lower Kama region, to the Volga, where the state of Volga Bulgaria was creating. In the emerging state, mixing of cultural traditions of both groups, their leveling and the creating a new culture, which laid the foundation for the culture of the Volga Bulgaria, is observed. In some areas the Chepets-Ural population prevailed in number over the Bulgars. The process of Islamization and Turkification of the Udmurts was from the middle of the XIX century until the October Revolution of 1917.

Keywords: Volga-Ural region, ancient ethnos, vorshud groups, ancient Udmurt tribes, Islamization, Turkification.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 3, pp. 476–483. In Russian.

REFERENCES

- Akimova M. S.** Ehtnogenez Bashkir po dannym antropologii. Arkheologiya i ehtnografiya Bashkirii. [The ethnogenesis of the Bashkirs according to anthropology. Archeology and Ethnography of Bashkiria]. Т. 4. Уфа, 1971. pp. 38–43.

Atamanov M. G. Arskoe knyazhestvo v pis'mennykh istochnikakh i narodnykh predaniyakh. [Arsk Principality in written sources and folk legends]. Po sledam udmurtskikh vorshudov. [In the footsteps of the Udmurt vorshud]. Izhevsk: Udmurtiya, 2001. pp. 192–196. In Russian.

Atamanov M. G. *Ot Dondykara do Ursyгурта. Iz istorii udmurtskikh regionov.* [From Dandykar to Ursyгурt. From the history of the Udmurt regions]. Izhevsk: Udmurtiya, 2005. 216 p. In Russian.

Atamanov M. G. *Proiskhozhdenie udmurtskogo naroda.* [Origin of the Udmurt people]. Izhevsk, Udmurtiya, 2017. 592 p. il. In Russian.

Bagin S. Ob otpadenii v magometanstvo inorodtsev Kazanskoj eparkhii i o prichinakh etogo pechal'nogo yavleniya. [On the conversion of indigenous dwellers of the Kazan diocese to Mohammedanism and the reasons for this sad phenomenon]. *Pravoslavnyi sobesednik. Izdanie Kazanskoj Dухovnoj Akademii.* Kazan', 1910, yanvar'-fevral'. pp.121–125. In Russian.

Bobrovnikov N. A. Inorodcheskoe naselenie Kazanskoj gubernii. [Indigenous dwellers of Kazan province]. Tatars, votyaki, mordva. vyp. 1. Kazan', 1899. In Russian.

Vorob'ev N. I. Material'naya kul'tura kazanskikh tatar (opyt ehtnograficheskogo issledovaniya) [Material culture of the Kazan Tatars (the experience of ethnographic research)]. Kazan', 1930. In Russian.

Gimadi Kh. G. Narody Srednego Povolzh'ya v period gosподства Zolotoj Ordy. [Peoples of the Middle Volga region during the reign of the Golden Horde]. *Materialy po istorii Tatarii*, vyp.1 Kazan', 1948. pp. 185–225. In Russian.

Goldina R. D. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya udmurtskogo naroda.* [Ancient and medieval history of the Udmurt people]. Izhevsk: Izdatel'skii dom "Udmurtskii universitet", 1999. 464 p. In Russian.

Efimova S. Kh. *Paleoantropologiya Povolzh'ya i Priural'ya.* [Paleoanthropology of Volga and Ural regions]. Moscow. Izdatel'stvo MGU, 1991. 95 p. il. In Russian.

Kazakov E. P. Pogrebal'nyi inventar' Tankeevskogo mogil'nika. [Grave goods of the Tankeevsk burial ground]. *Arkheologiya i ehtnografiya Tatarii.* Kazan'. 1971 .pp. 94–155. In Russian.

Kel'makov V. K. K istorii udmurtov Pravoberezh'ya Vyatki. [To the history of Udmurts of the right bank of Vyatka]. *Materialy po ehtnogenezu udmurtov (sbornik statei).* Izhevsk, 1982. pp. 128–144. In Russian.

Kuzeev R. G. Kratkii ocherk ehtnicheskoi istorii bashkirskogo naroda. [Brief outline of the ethnic history of the Bashkir people]. *Arkheologiya i ehtnografiya bashkirskogo naroda.* T. V. Ufa., 1973. pp. 32– 60. In Russian.

Kuzeev R. G. Opyt istoricheskoi statifikatsii rodoplemennoi ehtnonimii bashkir. [Experience of historical stratification of tribal ethnonymy Bashkir]. *Onomastika. Povolzh'ya* T. 3. Ufa, 1973. pp. 9–21. In Russian.

Kuzeev R. G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda.* [Origin of the Bashkir people]. Moscow. 1974. 561 p.

Lupпов P. N. *Khristianstvo u votyakov v pervoi polovine XIX v.* [Christianity among the votyaks in the first half of the XIX century]. Vyatka. 1911. In Russian.

Nikol'skii N. V. *Statisticheskie svedeniya o votyakakh za 1911 god s ukazatelem literatury o nikh i izdanii na votskom yazyke.* [Statistical information about the votyaks for 1911 with an index of literature about them and publications in the votyak language]. Kazan', 1912. In Russian.

Sadikov R. R. *Poseleniya i zhilishcha zakamskikh udmurtov. Sovremennyyi i dukhovnyy aspekt.* [Settlements and dwellings of the Zakamsky Udmurts. Modern and spiritual aspects]. Ufa, 2001. 181 p. In Russian.

Sadikov R. R. *Traditsionnye i religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskikh udmurtov.* [Traditional and religious beliefs and rituals of the Zakamsky Udmurts]. Ufa. 2008. 232 p. In Russian.

Sattarov G. F. Ehtnonimy Tatarii. [Ethnonyms of Tataria]. *Sovetskaya tyurkologiya.* № 1. Baku. 1980. pp. 32–49.

Tarakanov I. V. *Udmurt leksikaya ocherk'es.* [Essays on the Udmurt vocabulary]. Izhevsk, 1971. 96 p. In Udmurt.

Tarakanov I. V. *Zaimstvovannaya leksika v udmurtskom yazyke.* [Borrowed vocabulary in the Udmurt language]. Izhevsk. Udmurtiya, 1982. 186 p. In Russian.

Tarakanov I. V. Ob istoricheskikh svyazyakh udmurtov s drugimi narodami po dannym yazyka. [On the historical ties of the Udmurts with other peoples according to language data]. *Materialy po ehtnogenezu udmurtov.* Izhevsk, 1982. pp. 145–173. In Russian.

Trofimova T. A. Ehtnogenez tatar Povolzh'ya v svete dannykh antropologii. [Ethnogenesis of the Volga Tatars in the light of anthropological data]. Moscow-Leningrad.: *Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR*, 1949. 264 p. In Russian.

Khlebnikova T. A. *Keramika pamyatnikov Volzhskoi Bulgarii: k voprosu ob ehtnokul'turnom sostave naseleniya.* [Ceramics of Volga Bulgaria: on the ethnocultural composition of the population]. Moscow. 1984 p. In Russian.

Yusupov G. V. Bulgaro-tatarskaya ehpigrafika i toponimika kak istochnik issledovaniya ehtnogeneza kazanskikh tatar. [Bulgaro-Tatar epigraphy and toponymy as a source of research on the ethnogenesis of the Kazan Tatars]. *Voprosy ehtnogeneza tyurkoyazychnykh narodov Srednego Povolzh'ya.* Kazan', 1971. pp. 27–31. In Russian.

Received 19.05.2020

Atamanov Mikhail Gavrilovich,

Doctor of History, Professor

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, 426034, Russian Federation

E-mail: rvkir@mail.ru